

Ольга

Тригорьева

ЭХО ДРОГНУВШЕЙ ЖИЗНИ

Годы войны в жизни А.И. Цветаевой

Для Анастасии Ивановны Цветаевой начало Великой Отечественной войны было, несомненно, событием масштаба вселенской катастрофы, каким оно было и для Марины Ивановны Цветаевой. Их любимая Германия напала на их любимую Россию.

Из романа А. Цветаевой «Амог»:

«... – Я училась в вашей стране, я росла на вашей литературе, я верила в высоту германского духа, нас воспитывали на Гёте, на Шиллере, – нет, вы, потомки их, перестали быть человечными, я увидела лицо теперешней вашей Германии» – эти строки А. Цветаевой в романе по времени относятся к Первой мировой войне, но абсолютно подходят и ко Второй... (2; 166)

О том, насколько близка и дорога была сёстрам Германия, можно судить и по такому штриху из двухтомного романа А. Цветаевой «Нюрнбергская хроника», пропавшего при аресте 1937 года. Анастасия Ивановна вспоминала его сюжет: «Там семья наша была переселена в Германию. Мама звалась фрау Мария, мы – Беата и Эрика...» (1; 178) А в 98 лет, сравнивая жизнь с течением Оки – самой любимой, самой родной реки с детства, А. Цветаева подчеркнёт – «наравне со сказочным, с детства, Рейном (там, над ним, пела Лорелея...)» (3; 24).

В автобиографическом романе «Амог» есть и реалии предвоенных лет: рассказ о том, как Ника (*главная героиня романа, её прототип – сам автор – О. Г.*) узнала о подписании Договора о ненападении между СССР и Германией; размышления о советско-финской войне. «Там, на воле, в Финляндии, шла война. Кто был взят, из друзей? Сердце билось... Отчаяние! И ничего не узнать!.. И хоть какая-нибудь вина была бы перед страной!.. Десять лет – с ума сойти!.. Письма Ника получала редко и – как это всегда бывает – не от тех, от кого с тоской ожидалась...» (2; 101)

Десять лет, о которых пишет Цветаева – это срок её заключения, длившийся со 2 сентября 1937-го (дня ареста вместе с сыном А. Б. Трухачёвым в Тарусе) по 1 сентября 1947 года. То есть все годы войны она провела в заключении, в сталинских лагерях на Дальнем Востоке.

О начале Великой Отечественной войны она узнала так: распахнулась дверь в лагерное проектно-сметное бюро, где тогда работала учётчиком А. Цветаева, бежал начальник.

«На нём нет лица.

– Слышали? По радио! Выключено? Выступление Молотова, – он швыряет портфель. – Германия на нас напала! Предательски!

...Всё смешалось в общем крике и ужасе, все говорили зараз, вбежали прораб, десятники и конторщики, ждали, что ещё будет по репродуктору... Господи, что будет теперь...

Кто-то вбежал со двора.

– Слышали? Бомбят! Налёт на Киев... Брест держится!..» (2; 349)

Немало и других событийных зарисовок тех лет на страницах романа. Но для рассказа об этих нелёгких годах в жизни автора я сознательно взяла в качестве основы не «Атог», а очерки и эссе А. Цветаевой из книги «Неисчерпаемое» (Москва, «Отечество», 1992). Именно потому, что эти очерки, действие которых происходит, в том числе, и в годы войны, яркая иллюстрация факта: события духовной жизни, «жизнь сердца» для Анастасии Ивановны всегда были важнее, ярче, значимее событий внешних, порой не просто трудных, а невыносимых условий заключения.

По утверждению А. И. Цветаевой, страшен только тот миг, когда отрезаются пути к искусству. «Когда не звучит ритм, безразлична строка» (2; 350). Между словами «жизнь» и «искусство» она ставит знак равенства.

«Духовное начало – определяющая черта биографий и творчества обеих сестёр» – справедливо отмечает Ст. Айдинян в предисловии к книге «Неисчерпаемое» (1; 5).

Вот вехи начала войны на страницах этой книги: «...С 1941 года я впервые начала писать стихи. Сперва – английские, затем – русские. Поток стихов залил мои тюремные дни... Стихи продолжались и в лагере» (1; 180). В 1995 году выйдет сборник стихотворений А. Цветаевой под названием «Мой единственный сборник» (второе издание – 2009 г.).

А в павлодарском музее Анастасии Цветаевой хранится уникальный экспонат – рукопись стихотворения «Любовь», которое войдёт в сборники уже с дополнительной правкой автора:

Живи свой век и весь свой век учись.

Как удивительно не знать сему названья...

Быть может, у ручья лесного лани

Так вечер слушают, – а в роще рысь...

Строки о пребывании в лагере в 1941 году есть в небольшом эссе А. Цветаевой «Мои переводы Лермонтова на английский язык». В нём автор пишет, что она переводила в 1937 году стихотворения М. Ю. Лермонтова, которые «принадлежали его смертному году: 1841-му.» Это «Молитва», «Парус», «Выхожу один я на дорогу...» Работа была прервана арестом.

«В 1941 году, – пишет Анастасия Ивановна, – я слушала радио – это нам позволяли...» Шла передача, посвящённая 100-летию со дня смерти Лермонтова. «Но ни слова о моих переводах, конечно, там не было... Всё написанное мною до 43-х лет мне не было возвращено – два романа, повести, сказки. Погиб и перевод стихов Лермонтова» (1; 215). Писательница приводит в эссе переводы, которые сохранились в памяти: восемь строк «Выхожу один я на дорогу» и четыре строки «Паруса».

Как пишет в своём предисловии Ст. Айдинян о второй части книги «Неисчерпаемое»: «Все очерки – это воспоминания под знаком музыкального ключа» (1; 23). Большинство их публиковалось в 1989–1991 годах в журнале «Музыкальная жизнь». Действие одного из очерков – «Под “Клеветой” Россини» (1; 248) – происходит в годы войны в дальневосточном лагере на станции Известковая. В лагерях были агитбригады, и вот перед одним концертом заключённые узнали, что будет петь бывший солист Большого театра Сладковский. Анастасия Ивановна пишет, что и ранее ей называли певца и показывали «старика в лагерном облачении». Они даже обменялись приветствиями и несколькими фразами. Цветаевой запомнилось, что певец полушутливо назвал её «Марфой-посадницей». Очевидно, это имя – как характеристику – Сладковский дал Анастасии Ивановне за мужественность и убеждённость, что не надо падать духом ни при каких обстоятельствах.

Образ стойкой Марфы-посадницы, героини обороны Великого Новгорода, не желающего подчиниться Ивану III – это пример любви к свободе и независимости, пример силы духа людей, которые служат своему предназначению. Думаю, что старый певец почувствовал в Цветаевой именно этот источник её негибкости – она была верна своему писательскому предназначению и в любых условиях – в годы войны, при непереносимых лагерных трудностях ставила духовную жизнь выше всех обстоятельств.

Итак, концерт, барак. Душещипательное пение уголовниц, тещ-декламатор, и вот на сцене «невысокий старик в чёрной рубаше навыпуск и черных штанах». Он поёт свою коронную арию – «Клевету» Россини из оперы «Севильский цирюльник». И если остальные слушатели просто наслаждались профессиональным пением, А. Цветаева увидела в этом исполнении символ – Сладковский пел «себя, своё горе, свою невозможность быть понятым, свою погибшую жизнь». Но это было не просто самовыражение, ведь зрителями были те, кто большей частью пострадали именно от клеветы, от наговора, от доноса, кто «претерпев все униженья, / Погибает в общем мненье, / Поражённый клеветой...» Не только зрители, и начальство встало перед певцом, аплодируя. Мощный образ завершает это небольшое эссе. Певец – зверь в клетке – бросал своё обвинение им, «рукоплещущим голосу, попавшему в клетку (им, бессильным что-либо изменить в стране, превращённой в грандиозный зоопарк, ибо они были лишь служителями зоопарка...) Где ещё искони россиниевская “Клевета” прозвучала так, от загубленного клеветой! Он был свободен сейчас, совершенно свободен, освобождённый до срока, под гром рукоплесканий...»

Любовь *Любовь*
жизни свой век и весь свой век унес!
Как удивительно не знай саму названья!
Быть может, у руды лесного названья,
так ветер существует, — а в пеще риса
Киньгага — гасителю плаз екскав,
экскавации холмовым кресту ланки приобщения,
и в пеще солнце муз зачеркнутые фены,
и в Африке и Китае драва и мидра?
А, широк дара, плески ногой став
На медовый, келар не расклат двукрест,
или Гибберия с Лидию под яельно
Зукай омиваемих дуэра?
А все жаль и всё чудно, ~~люблю~~ люблю
Рого еще не знала, ~~люблю~~ люблю
то жавитище кисть кедер — мидвотан — фены,
Мне кедер, про з медя ~~люблю~~ люблю

Анастасия Цветаева
 1939 г.
 Ленинград, Вост. Восток

Вот он, ещё один секрет несломленности Анастасии Ивановны: свобода – в творчестве. Исходя из этого, можно сказать – она была свободна в лагере. Она писала стихи, делала переводы, работала над романом «Апог». Она отметала трудности воспоминаниями о прошлой жизни, надеждами на встречу с сыном и сестрой, разговорами о высоких материях... «В лагере, в перерыве, разговорясь с главбухом – пошла речь о дифференциальных исчислениях и о бесконечно-малых величинах. И он удивился, что я – понимаю...» (3; 8)

1 сентября 1941 года проектно-сметное бюро, где работа была всё-таки сносной, посильной, было ликвидировано, и вновь – этапы, лагеря и тяжёлый физический труд: на кирпичном заводе, в прачечной... Реалии лагерной жизни есть в небольшом эссе А. Цветаевой «Воспоминания о муфте», которое было опубликовано в самиздатовской серии «Избранное» (Москва, 2000). Этот сувенирный комплект небольших книжечек выпустили после смерти писательницы её биографы Г. К. Васильев и Г. Я. Никитина и её младшая внучка О. А. Трухачёва. В эссе, размышляя о «странном слове» и исчезнувшей из обихода вещи – женской муфте, Анастасия Ивановна описывает ужасно холодные зимы на Дальнем Востоке, когда её руки были «неотрывно в работе половойкой, кубогреем, в мытье котлов»... В 52 градуса мороза «веки делались как коробочки над глазами, а ноги так замерзали, что я сшила себе ватные наколенники». Вот в эту зиму, как во сне, и вспомнила она о муфтах – бархатных, с оторочкой из меха, муфтах из той, благополучной жизни. «За десять лет Востока Дальнего – двадцать пять перебросок – это и называется «лагерь», когда обе (в пешем хождении вёрст по 15, 20 до поезда, а от станции в новую точку лагеря) руки заняты: одна – через плечо мешком с неизбежным, наинужнейшим, а другая – подобием чемодана – их за пару паек хлеба сколачивал из мужского барака сосед по беде...»

От воспоминаний о муфтах, от которых веяло «роскошью – нет, уютом для рук», А. Цветаева переходит к воспоминаниям об уюте отцовского дома в Трёхпрудном, где так хорошо было им с Мариной...

В очерке «О Марине, сестре моей» А. Цветаева описывает сон, который ей приснился в Хабаровске. Сон о смерти сестры. «Я проснулась в таком испуге, – пишет Анастасия Ивановна, – что не дала себе осознать, *кто* умер, но и лгать не могла и определила, что сон был о смерти самой близкой мне женщины... Узнала я, что он был *правдой*, только через два года. Но он *был*».

Анастасия Ивановна не падает духом, поддерживает других. В бараке, подругившись с малограмотной женщиной, пишет ей письма домой, «читает треугольнички с фронта от брата, ...там, на далёкой воле, всё идёт и идёт война...» (2; 360)

Война сломала мирный ход жизни миллионов. Трагическими были судьбы людей и в эвакуации. Об одной такой судьбе пишет А. Цветаева в своём очерке «Непонятная история о венецианском дожде и художнике Иване Булатове» (1; 168) (кстати, машинопись этого эссе с автографом автора также находится в фондах павлодарского музея писательницы). В 1941–1942 годах художник Булатов с сестрой Марией Михайловной Сысоевой жили в эвакуации в деревне Жары, куда их вывезла их друг Мария Ивановна Кузнецова-Гринёва, актриса Камерного театра, писательница. (Добавим, что она была другом и Анастасии Ивановны, которая писала о ней в книге «О чудесах и чудесном»: «Вторая жена моего мужа Бориса, самый близкий мне человек после Марины...») В эвакуации, как говорится

в очерке А. Цветаевой, «сестра своими старыми пальчиками, так игравшими Листа, перебирала в овощехранилище вместе с актрисой Кузнецовой-Гринёвой картошку – и тем кормила брата и себя...» Вначале умер брат, он болел недолго и всё повторял, что Пасху они встретят вместе с сестрой. Он не дожил до Пасхи десять дней, а сестра умерла накануне светлого праздника, в страстную субботу 1942 года...

Ещё одно эссе из серии «под знаком музыкального ключа» – о певице Мариан Андерсон. Собственно, это два воспоминания: одно о концерте певицы в Москве в довоенные годы и другое – о том, как автор услышала голос Мариан по радио на Дальнем Востоке. Передавали отделение московского концерта. «Москва? Дальний Восток? Всё пропало! Кинув за собой дверь, стою во дворе зоны, выбежав, как в детство – на волю? – пешеход на горных тропинках, пью нектар нечеловеческих звуков. За всё! За прошедшие годы, прожитое, недожитое... Слушаю ЭХО ГОР! Эхо моей – дрогнувшей – жизни...» (1; 243)

Зарисовка лагерного быта есть в рассказе «Катус», рукопись которого хранится в павлодарском музее А. Цветаевой. Это было «лёгкое время», когда по болезни Анастасию Ивановну определили «на умственный труд»:

«Известковая, 1943 год. Я живу не в бревенчатом бараке, где часто сотня женщин, а в длинной мазанке, где по оба конца коридорчика – справа приёмная лекпома, слева – мы, десятка полтора женщин.

Я работаю в ДОКе (деревянообделочный комбинат), описываю чертежи деревянных деталей. Жаль, уже есть чертёжник – я так люблю чертить, два года чертила – ещё во 2-м Хабаровске, затем в Тьрме. Но и описывание чертежей – лучше других работ: в часы за столом нацело вылетает из головы всё, кроме размеров и вычислений. Не думаешь ни о прошлом, ни о будущем – хорошо.

Нам принесли чёрного котёнка. Он цепляется за все самодельные кружева на покрывалах топчанов, прыгает с одного на другой. Им любят, но и гонят его, когда он качается на «подзорах», как на качелях, и запутывается в них, как в сетях. Мои сожигательницы из всех сил берегут – каждая – вид своей постели – не только потому, что утренний обход лекпома строг, но потому, что постель – это всё, что осталось им “своего” в чужом месте, далеко от дома, в горькие годы войны...»

В связи с этим нельзя не сказать о такой черте писательницы, как непреходящая и деятельная любовь к животным. Рассказы о животных А. Цветаевой вышли отдельной книгой под названием «Непостижимые» в 1992 году. И действие некоторых из них происходит в лагере, это рассказы «Мишки», «Мурсыя», «Лиза и Дёша». Любовь к живым существам, собакам и кошкам, тоже позволяла выжить, остаться человеком.

«Жизнь медленно тянулась – к освобождению... “Там” шла война. И всё уменьшали пайки (хлеба)...» (2; 362)

1943 год принёс Анастасии Ивановне страшное известие о смерти сестры Марины. Вот два эпизода, касающиеся сестры, из очерка «О Марине, сестре моей». В первом Анастасия Ивановна описывает, как она всё свободное время сидела за увеличением фотографий Марины (срисовывала по клеткам). Одна из фотографий была неудачная, но при копировании получились очень живые глаза.

Второй эпизод не раз цитировался в книгах и исследованиях цветаеведов – как в 1943 году Анастасия Ивановна попросила у вскоре освобождающейся женщины

подарить ей серолист, любимый цветок Марины. И вот в один из осенних вечеров, когда А. Цветаева копировала портрет сестры, все ветки серолиста шумно всплеснулись. Все поражённо смотрели друг на друга, ведь в бараке было тихо, и ветра за окном не было. Анастасия Ивановна восприняла это как привет от Марины...

Но, конечно, наиболее подробно и пронзительно пишет А. Цветаева о своей невосполнимой потере в письмах 1943–1944 годов сыну А. Б. Трухачёву и Елизавете Яковлевне Эфрон. Эти письма были напечатаны в 2003 году в журнале «Нева» (публикация Р. Б. Вальбе по оригиналам, хранящимся в РГАЛИ) и, к сожалению, остались малоизвестны широкой читательской публике (4; 185). Это поразительные по силе чувства, невыносимой боли утраты воспоминания о сестре, размышления об её уходе. 20 июля 1943 года А. Цветаева получила письмо из Тарусы от Валерии Ивановны Цветаевой, в котором среди многих других известий была строка: «Муси, автора “Волшебного фонаря”, нет в живых».

«Андрюша, ты понимаешь, что со мною стало. 49 лет жизни вдруг ушли из-под ног. Но я прочла, и I моё чувство было – нет, не так, не может быть. Невозможность, нелепость, чудовищность. Насмешка. Я ждала встречи с ней столько лет, так терпеливо, никогда не падая духом. Она для меня неразрывна с чувством жизни моей, я ведь никогда, с рождения, не жила без неё на свете, и этот свет без неё мне был незнаком» (Письмо к сыну – А. Б. Трухачёву от 11 августа 1943 г.).

«Без Марины наслаждаться искусством и природой, человеком, книгой мне невозможно. Каждое чувство обведено чёрным провалом. А к вечеру я устаю и не чувствую уже ничего, как чурбан...» (Письмо к Е. Эфрон от 25.08.1943 г.)

«31 августа 41 г. умерла половина моего тела, и смолкла, задохлась половина моей души» (Письмо к Е. Эфрон и З. Ширкевич от 16.04.1944 г.)

«...И, может быть, от этой беспризорности, которую она ощущала вдали от Серёжи, меня, разъединённая с нами войной, она и погибла?» (Письмо к Е. Эфрон от 12.11.1943 г.)

...И, наконец, 1945 год.

Письмо Е. Эфрон и З. Ширкевич от 11 мая 1945 года: «Дорогая Лиля, дорогая Зина! 10-го мая послала вам открытку с поздравлением с днём Победы. Алю спрашиваю, были ли письма от Мура – и жду её и вашего ответа с замершим сердцем. Послала о нём по его полевой почте 3 запроса и 2 запроса в Москву, Наркомат обороны, Главное управление учёта личных потерь Красной Армии, сообщив возраст, где и когда был призван, номер полевой почты и адрес доверенный родных (ваш). Будем ждать милости судьбы».

Анастасия Ивановна просит не скрывать от неё любых известий о судьбе Мура. Пишет, что от него было три письма, последнее 18 мая 1944 года, рассказывает содержание писем... Только спустя много лет она узнает, что её племянник, сын Марины Цветаевой Георгий Сергеевич Эфрон, по-домашнему – Мур, погиб в 19 лет, в своём первом бою 7 июля 1944 года под белорусской деревней Друйка.

«...Светлая весть о Победе приближает час нашей встречи» – надеется А. Цветаева. Она описывает свои чувства при известии об окончании войны: «Эти ночи Победы, когда радио гремело всю ночь напролёт, когда что-то дионисийское, священное в счастье людей, захватывающее и меня жаждой мира и гордости за народ...»

«На всю жизнь будет памятна ночь, когда в женском бараке ...их разбудил хриплый от усталости, но громкий от волнения голос диктора, объявлявший небывалую весть – капитуляцию Германии! Женщины вскакивали, как в бреду, кидались друг к другу, обнимались, крича: “Домой, домой!”

Кто из них спал в ту ночь?

Сколько надежд, какая невероятная радость! В самих словах было колдовское звучание... через них открывалось будущее. Тает лагерь! Размыкаются оковы.. Жизнь распахивалась, силы удесят�рялись! Эту ночь не забыть вовек! Как хорошо, что она *была*...

Бедные женщины! Месяцы шли, превратились в годы, ни один срок не дрогнул, никто не был выпущен, лагерь проглотил эту весть, как акула, и равнодушно продолжал жить, как до неё...» (2; 363)

До освобождения А. И. Цветаевой оставалось два года, три месяца и 21 день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цветаева А. И. Неисчерпаемое. М.: Отечество, 1992.
2. Цветаева А. И. Атог. Елабуга, Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2009.
3. Цветаева А. И. Кристаллы чувств и размышлений. М., 2000 (самиздат, составители Г. Васильев и Г. Никитина).
4. Журнал «Нева» (Санкт-Петербург), 2003, № 3. Марина Цветаева в письмах сестры и дочери. 1. Письма Анастасии Цветаевой (1943–1945). Публикация Р. Б. Вальбе.

Павлодар

В марте 2021 года отмечают:

90-летие

Зекебай СОЛТАНБАЕВ, прозаик

80-летие

Узакбай ДОСПАНБЕТОВ, прозаик

Сали САДЫКОВ, критик

70-летие

Данеш АХМЕТОВ, прозаик

Лидия ЕГЕМБЕРДИЕВА, драматург

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

